

Вахта Филиппа Кузьмича

Казалось, даже молодые елочки, что высажены по улице Советской, торопились в сквер рудника на праздник шахтеров. Не вытерпел, заглянул туда и диспетчер Красногвардейской шахты Филипп Кузьмич Коржов. Музыка, улыбающиеся лица друзей, с которыми делил заботы и радости, труд и отдых... Уходить не хотелось. Но у него вахта, и он спешит на свою «Красногвардейскую», которую знает уже два десятка лет.

Шахтером стал Коржов и того раньше. В шестнадцать лет ушел он за шахтерской романтикой из деревни Богдановки Самарского края в Среднюю Азию. Тринадцать суток волочился поезд до мелкотычи Кизилькия. Жара и песок, скорпионы и юрты. А ему понравилось. Начал подсобным рабочим, через месяц поставили бригадиром. Здесь же в Средней Азии получил и вторую профессию — тракториста. А потом смущили его сердце рассказы о Сибири. Поехал. И снова шахта, новые звания: коногон, взрывник... Полюбились ему шахтеры, крепкие, спящие, веселые, полюбилась Сибирь и еще сибирячка Анна. С ней и уехали на Урал.

Здесь, в Красноуральске — новые друзья, а среди них забойщик Илларион Павлович Янкин. Был шахтер самый обыкновенный, только скоро стали о нем говорить громко и с уважением на Урале. Да и по всему Союзу газетной волной побежала слава о «янкинском методе».

Коржов тогда был в отпуске, но, услышав о событиях на своей шахте, не выдержал, пришел. И семь месяцев не выходил из ночной смены (готовили рабочее место для Янкина). Члены бригады каждый месяц менялись, он оставался. А осенью 1940 года на торжественном собрании поздравляли и его, Коржова.

Казалось, жизнь вошла в колею. Работа, семья, сын рос — Толька. Широкие были планы, большие надежды, но... война. Северо-западный фронт, ранен где-то у Волхова...

Филипп Кузьмич листает страницы ненаписанной книги. Апрель 1942 года. Передовая. Психическая атака противника, вооружен-

ного автоматами и ручными пулеметами. Гибли товарищи. Приказано было отходить. Вместе с теми, кто остался прикрывать отход, был Коржов. Когда убили пулеметчика, занял его место. Луч воспоминаний выхватывает усталое лицо телефонистки Любы Ивановой. Девушка не оставляла аппарат всю неделю и не выдержала, упала тут же обессиленная. Он, Коржов, отнес ее в батальон свя-

постучал у своего дома и услышал, как там крикнули: «Филипп приехал!». Он сел на пороге не в силах двинуться дальше и, кажется, плакал. Жена Анна, не вытирая мокрого лица, не чувствуя ожогов, рвала крапиву, заливала ее горячей водой, чтобы опустить туда больные ноги мужа. В народе считали: помогает...

На фронте больше быть не пришлось. Красногвардейская шахта встретила воина с радостью: не хватало рабочих рук. Филипп Кузьмич поставили начальником смены. А в день Победы за ним прибежали в шахту, и он говорил перед людьми обычные, простые слова о счастье победы, о том, как трудно далась она. Люди слушали.

Время бежало вперед, и Филипп Кузьмич не отставал от него. Шахтеры награждали грамотами, медалями «За доблестный труд», «За многолетнюю работу», его отправляли учиться. И он учился. К нему посыпали молодых рабочих — он передавал им свой опыт. Его приняли в партию. Теперь секретарь партбюро шахты т. Игнатьев говорит:

— Инициативный товарищ. Не раз избирался в партийное бюро и хорошо выполнял партийные поручения.

Эти суховатые строчки дорисовывают образ Филиппа Кузьмича Коржова, прошедшего большую жизнь, восгитавшего вместе с Анной Николаевной троих детей, отдавшего нелегкой шахтерской работе не один десяток лет.

Ночь. В диспетчерской на вахте Филипп Кузьмич. Он сейчас хозяин шахты, врач, внимательно прислушивающийся к ее пульсу, который он изучил не хуже, чем пульс своего ребенка. В этом году Филипп Кузьмич уйдет на пенсию, и на шахте его сменят другие. Он передаст ее с чистой совестью, ибо свою трудовую вахту он отстоял достойно.

В. ЯКОВЛЕВА.